

Павельева А.К.
(Полтава, Украина)

УДК 821.161.1 «326»

Особенности хронотопа в повести Н.В.Гоголя «Сорочинская ярмарка»

Анотація

Автор статті розглядає види хронотопу та їх роль в повісті М. В. Гоголя «Сорочинская ярмарка». Зокрема, виокремлюються такі вагомі хромотопічні образи, як образ ярмарки, дороги, мосту, проклятого місця, шинку, порогу, магічного кола.

Аннотация

Автор статьи рассматривает виды хронотопа и их роль в повести Н. В. Гоголя «Сорочинская ярмарка». В частности, анализируются такие важные хромотопические образы, как образ ярмарки, дороги, моста, проклятого места, шинка, порога, магического круга.

Summary

The author of the article considers types of chronotop and their role in Gogol's short-story "Sorotchynska Fair". The author analyses such important chronotopic images, as the image of fair, road, bridge, cursed place, threshold, magic circle.

Повести Гоголя пронизаны временными и пространственными образами, бесконечно многообразными и глубоко значимыми. Однако особенности художественного времени и пространства в сборнике Н. В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» изучены недостаточно. Проблема хронотопа продолжает оставаться актуальной теоретической проблемой, несмотря на то, что к её освещению обращались такие исследователи, как М. М. Бахтин, П. А. Флоренский, Д. С. Лихачев, Ю. М. Лотман, М. И. Стеблин-Каменский, В. Н. Топоров, А. М. Пятигорский, А. Б. Есин, В. Е. Хализев. Целью данной

работы является анализ разных форм реализации хронотопа в повести Н. В. Гоголя «Сорочинская ярмарка» а также определение роли хронотопа как формы существования ярмарочного мира в структуре повести.

Развертывание сюжета в повести Гоголя «Сорочинская ярмарка» происходит в «один из дней жаркого августа тысячу восемьсот...восемьсот... Да, лет тридцать будет назад тому» [1, с.15]. **Авторский хронотоп** исчисляется временной ретроспекцией в тридцать лет от момента повествования, начало которого нам неизвестно. Читатель может только предполагать, что отсчёт ведётся начиная с 1831 года. Соотнесенность настоящего и прошлого в повести весьма условна. Из настоящего времени читатель в мгновение ока переносится в прошлое и «позапрошлое» время, то есть на *тридцать лет* назад от момента рассказа этой истории пасечником Рудым Паньком, а позже – еще на *десять лет* назад – в то время, когда черт потерял свою красную свитку. **Сюжетное время** охватывает *полные сутки понедельника и день вторника*. Но предпосылки появления красной свитки – важного элемента сюжета, связавшего судьбы Параски и Грицька – возникают еще *за день* до приезда в Сорочинцы Черевика с его сожительницей и дочкой. Из подслушанного Солопием разговора двух негоциантов мы узнаем, что «*вчера* волостной писарь проходил *поздно вечером*, только глядь – в слуховое окно выставилось свиное рыло и хрюкнуло так, что у него мороз подрал по коже...» [1, с.20].

Хронотоп дороги связан с сюжетом повести, в частности с поездкой героев в Сорочинцы. Ему свойственна замедленность, неторопливость. Вереницы чумаков «тянулись» на ярмарку с самого утра, горы горшков «медленно двигались», их владелец «медленными шагами шел за своим товаром», воз Черевика «тащился», кобыла рядом с возом также «тащилась», сам Солопий «брел» и обтирал пот «ленивою рукой». В преддверии ярмарочной суматохи и спешки, автор нарочито размеренно и медленно изображает народ, «поспешавший» на ярмарку. Направляющийся в Сорочинцы люд имеет вдоволь времени для рассматривания возов, товаров и их владельцев. Движение по дороге на ярмарку еле заметное, перед читателем

проплывают торговцы и их товар, и среди них – важно ступающий Солопий, его злобная жена и хорошенькая дочка.

Пространство, на котором происходят изложенные автором события, охватывает местечко Сорочинцы, его окрестности (где проживает кум Черевика – Цыбуля), дорогу верст за десять до Сорочинцев, речку Пселл, а также окрестные и дальние хутора, откуда народ спешит на ярмарку.

В данной повести присутствует **ирреальное, перевернутое**, а точнее – **остранённое пространство**: «небо, зеленые и синие леса, люди, возы с горшками, мельницы – все опрокинулось, стояло и ходило вверх ногами, не падая в голубую прекрасную бездну» [1, с.16].

Знакомство семейства Черевика с Грицьком Голопупенком происходит на мосту через реку Псел. **Хронотоп моста** является символом перехода в другой мир – ярмарочный, шумный, веселый, сказочный, где героям приходится оплачивать *пресечение пространственных границ*. В данном случае жертвой такого пересечения является Хивря, которую парубки забрасывают грязью. Уже на мосту начинается **ярмарочное, карнавалльно-сказочное пространство**, и время действия ускоряется.

Пространство ярмарки – это полуреальное-полуфантастическое место, шумящее, гудящее. Здесь звериный рёв и людской говор сливаются воедино, а «весь народ срастается в одно огромное чудовище». Это, с одной стороны, **фантастический хронотоп**, где герои, едва познакомившись, «полюбили друг друга так, что хоть бы и навеки жить вместе», а с другой – **бытовой хронотоп**, где протекает процесс купли-продажи и все сопряженные с ним действия и разговоры. Более того, *пространственный образ ярмарки двойной* – на ярмарку в момент развертывания сюжета со всеми её атрибутами накладывается **фантом проклятого места**, «на котором, хоть тресни, ни зерна не спустишь», и где «водятся чертовские шашни» [1, с.20]. Причем *открытое* ярмарочное пространство по плотности не уступает *закрытому*. В частности, автор уточняет, что «все наполнилось слухом» о красной свитке. То есть, вся ярмарка в ее разнородности и многолюдности воспринимается как целостность, где «все

считали преступлением не верить» продавщице бубликов, несмотря на то, что её лавка стояла рядом с яткой шинкарки.

Ярмарочное время в повести также неоднородно. С одной стороны, оно просто несется по сравнению с обыденным, каждодневным. Всё «мечется кучами и снуется перед глазами», все спешат. Даже медленный Черевик «толкался в народе», и его мысли «ворочались безостановочно». В то же время Параска успеваает неспешно рассматривать товары, слушает ссору перекупок и т.д. К *вечеру* – времени успокоения и отдыха – *ярмарочное время* снова замедляется, народ «глухо шумел», «говор приметно становился реже и глуше, и усталые языки перекупок, мужиков и цыган ленивее и медленнее поворачивались» [1, с.23]. В *сказочно-карнавальном времени* события быстро сменяются: только что Черевик с Цыбулей «всхлипывали навзрыд», как через несколько минут, после разговора с Грицьком, Солопию «делалось весело, как будто» его «старуху москали увезли». Едва оправившись от потрясения, вызванного обвинением в воровстве, он уже договаривается о свадьбе: «Да что думать: годится или не годится так – сегодня свадьбу, да и концы в воду!» [1, с.36].

А. Б. Есин, рассматривая хронотоп ночи, отмечает, что «ночь всегда имела определенный эмоциональный, символический смысл: это было время безраздельного господства тайных, чаще всего злых сил» [2, с.53]. О. Ковальчук считает, что черт (в данной повести его заменяет красная свитка) «портит» идеальное пространство [3, с.9]. Автор указывает, что к ночи «спокойствие разрушилось, и страх мешал всякому сомкнуть глаза свои». Увидев рукав красной свитки, Солопий в испуге убегает «быстрее молодого парубка». Страх также искажает *ночное пространство* вокруг перепуганных Солопия и Хиври: окружавшие их цыгане кажутся им «диким сонмищем гномов». *Утром* снова все вернулось на круги своя «и страшные толки про красную свитку, наведшие такую робость на народ в таинственные часы сумерек, исчезли с появлением утра» [1, с.32]. Образ *суточного времени* сливается в ярмарочном пространстве с временем *мистериальным*.

С образом ленивого, медлительного Черевика связан **хронотоп «убежища лени»** – «благословенная печь его хаты или шинок дальней родственницы, находившийся не далее десяти шагов от его порога» [1, с.32].

Важную роль в повести играет также **хронотоп шинка** – «ярмарочной ресторации под яткою у жидовки», где Солопий и Грицько договариваются о свадьбе.

Говоря о **«хронотопических ценностях»** (М. М. Бахтин), нужно отметить, что именно в пространстве шинка Черевик проникается симпатией к Грицьку, который «духом вытянул полкварти не поморщившись». Если бы их разговор о свадьбе происходил где-нибудь в другом месте и в другое время, (а Черевик был выпивши, под впечатлением от сказочной истории о красной свитке), и брак Параски и Грицька вряд ли был бы возможен.

Хронотоп порога в этой повести также функционально значим. Порог отделяет одну жизнь от другой, символизирует кризис или перелом, перемену. «Не успела Параска переступить за порог хаты, как почувствовала себя на руках парубка в белой свитке» [1, с.37]. Переступив порог, девушка вошла в новую жизнь с будущим мужем, она перестала быть безмолвной падчерицей, а сама как бы стала хозяйкой. С этого момента для нее должна начаться совсем другая, более счастливая жизнь.

В «Сорочинской ярмарке» автор детализирует как объективное, так и **субъективное время персонажей**. То есть время протекает по-разному для каждого из героев. Так, Черевик, услышав историю о красной свитке, «со страхом оборотился назад», а его «волосы поднялись дыбом», в то время как его дочка и парубок «спокойно стояли, обнявшись и напевая друг другу какие-то любовные сказки» [1, с.20].

Используя детали текста, можно определить образ **биографического времени** в повести Гоголя «Сорочинская ярмарка». Так, известно, что Параске «осьмнадцать лет». Её отец уже начинает седеть, он женат во второй раз. Человек он бывалый, о чём свидетельствует невзначай брошенная фраза: «...на веку столько довелось наглядеться рож всяких, что черт их и припомнит всех!»

[1, с.21]. Можно предположить, что Солопию пошел пятый десяток, а вот его резвая и крикливая сожительница, очевидно, моложе его.

Цикличность событий, изображенных в повести проявляется в ежегодном посещении ярмарки Солопием, в том, что речка Псел «почти каждый год переменяла свои окрестности, выбирая себе новый путь и окружая себя новыми, разнообразными ландшафтами» [1, с.16], в мельницах, чьи колеса поднимали воду Псла и распыляли её в брызги. Более того, эта цикличность касается также и мистических, потусторонних сил. Автор упоминает, что в сарае под горой «*то и дело <...> водятся чертовские шашни*». Негоцианты на ярмарке боялись того, что «*опять покажется красная свитка*». Черт, с тех пор как лишился своей свитки, *каждый год* ходит по ярмарке и подбирает её части. А сама свитка, прошедши через руки москаля, перекупки и продавца масла, снова «вернулась» туда, откуда пропала – в Сорочинцы. Цикличность событий связана в «Сорочинской ярмарке» с хронотопом круга. В конце повести, защищая Грицька и Параску от злобной Хиври, «несколько пар обступило новую пару и составили около нее непроницаемую танцующую стену», заключив влюбленных в **магический круг**, не пуская в это «идеальное пространство» злую мачеху. «Все обратилось, волею и неволею, к единству и перешло в согласие. <...>. Все неслоь. Все танцевало» [1, с.38]. Весь ярмарочный мир обращался вокруг влюбленной пары.

Завершается повесть **космическим хронотопом** – описанием «старушек, на ветхих лицах которых веяло равнодушием могилы, толкавшихся между новым, смеющимся, живым человеком», которые не обращали «даже глаз на молодую чету» [1, с.38]. Они являются метафорическим образом смерти. Старухи, уже не способные радоваться ничему земному, противопоставлены танцующей счастливой паре. В этой антитезе Гоголь воплотил распространенное представление о вечности – молодость и старость, жизнь в ее разгаре и жизнь угасающая, показанные со стороны в их неразрывности и неизбежности. Писатель создал в своем произведении *замкнутое время*, которое имеет и абсолютное начало (приезд на ярмарку Черевика с семьей), и

абсолютный конец, представляющий собой и завершение сюжета, и развязку конфликта (свадьба влюбленных), и исчерпанность авторских размышлений (о быстротечности всего сущего на земле).

Таким образом, в художественной структуре повести Гоголя «Сорочинская ярмарка» важную роль играют такие хронотопические образы, как образ ярмарки, дороги, моста, проклятого места, «убежища лени», шинка, порога, магического круга.

Список литературы

1. Гоголь Н.В. Собрание сочинений. В 7-ми томах. Т. I. Вечера на хуторе близ Диканьки. Под общ.ред. С. И. Машинского и М. Б. Храпченко. Примеч. А.В.Чичерина и Н.Л.Степанова. М., «Худож.лит.», 1976. – 333с.

2. Введение в литературоведение. Литературное произведение: Основные понятия и термины: Учебное пособие / Л. В. Чернец, В. Е. Хализев, С. Н. Бройтман и др. / Под. ред. Л. В. Чернец. – М.: Высшая школа: Изд. центр «Академия», 1999. – 556 с.

3. Ковальчук О. Гоголь: буття і страх // Зарубіжна література. – 2002. – №36. – С.3-4; 9